А.М. СУНГУРСКИЙ

НУЛЕВАЯ СТАВКА

16+

А.М. Сунгурский

Нулевая ставка

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Нулевая ставка / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Марк Дронов умеет выигрывать в карты. На этот раз ему платят за обратное: богатому гостю нужно дать почувствовать себя счастливчиком и заманить в следующую игру. Но Виктор Ершов упорно избавляется от хороших карт и делает всё, чтобы проиграть.К ночи его находят убитым. Выигрыш и привезённые деньги остаются на месте. Марк пытается восстановить вечер, хотя уже успел скрыть от следствия поступок старого друга. Чтобы найти убийцу, ему придётся раскрыть чужую аферу — и признаться в собственной лжи.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена места 5
Глава 2. Чужие деньги 10
Глава 3. Шесть стульев 14
Глава 4. Хорошая рука 18
Глава 5. Чужая очередь 22
Глава 6. Карты рубашкой вверх 26
Глава 7. Мелкая сдача 30
Глава 8. Служебный выход 34
Глава 9. Первое объяснение 38
Глава 10. Дочь покупателя 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

А.М. Сунгурский
Нулевая ставка

Глава 1. Цена места

— На этот раз тебе надо проиграть, — сказал Яша.

Марк держал телефон плечом и пытался вытащить из духовки противень. Прихватка была одна; вторую он вчера намочил и повесил сушиться куда-то настолько разумно, что найти теперь не мог. Куриная ножка съехала к краю, под ней зашипел сок.

— Сколько?

— Вот это я люблю. Человек сразу понимает задачу.

— Я спрашиваю, сколько ты мне уже проиграл.

Из-за телефона донёсся смех. Яша разговаривал не из машины: не было ни музыки, ни привычного щёлканья поворотника. Значит, нашёл место, где можно устроиться надолго. Марк поставил противень на плиту, отнял аппарат от уха и посмотрел на время. До приезда Киры оставалось семнадцать минут.

— Завтра вечером, — сказал Яша. — «Окно». Нормальный стол, хорошие люди, никаких историй. Гостю надо понравиться.

— Пусть Стелла накормит.

— Она накормит. У него другое увлечение.

— У всех твоих гостей одно увлечение. Просто некоторые узнают о нём уже после ужина.

Марк выключил духовку. Телефон удобнее было держать, когда не требовалось спасать еду, но от этого разговор становился опаснее: Яша чувствовал, когда ему начинали уделять внимание.

— Виктор Ершов, — произнёс он. — Холодильники. Не бытовые эти, в которых у тебя банка горчицы живёт. Для магазинов, складов. Сейчас выходит из одной сделки, деньги появились свободные. Захотел поиграть.

— С тобой?

— Со всеми. Со мной он уже ужинал.

— И остался голодный.

— Марк, ты можешь просто приехать? Не обирать человека с порога. Дать ему провести хороший вечер. Он не дурак, но опыта мало. Начнём спокойно, познакомимся.

Марк прикрыл противень фольгой. На столе стояли две тарелки; одну он передвинул так, чтобы из дверей была видна только её кромка. За этим движением Яша, к счастью, не мог наблюдать.

— Кто ещё?

— Игорь. Лев. Один новый, от Виктора. И мы с тобой.

— Шестеро.

— Ты всё ещё умеешь считать.

— Я умею замечать, когда ты не назвал шестого.

— Назвал. Виктор. Ты сегодня какой-то торжественный. У тебя праздник?

— У меня ужин.

— Тогда не мешаю. Сорок за вечер. Тебе лично. Расходы стола мои.

Марк снял фольгу обратно: под ней кожа переставала быть хрустящей. Сорок тысяч были слишком хорошей платой за любезность. Когда-то он принимал это за уважение к своему умению, потом научился спрашивать, какое именно неудобство включено в цену.

— Что будет потом?

— Потом ты пойдёшь домой.

— Послезавтра.

— Посмотрим по человеку.

— Нет.

Яша помолчал. Откуда-то рядом с ним долетел женский голос: просили передвинуть стул. Он ответил, что стул никому не мешает, затем заскрипел ножками по полу.

— Сорок за первый вечер, — повторил он. — За второй отдельный разговор. Никаких обязательств заранее.

— Ты это ему тоже скажешь?

— Ему зачем?

Марк потянул на себя ящик с приборами. Вилка зацепилась зубцом за ситечко, и он некоторое время освобождал её, не отвечая. Внизу хлопнула подъездная дверь. Он узнал этот звук гораздо раньше, чем научился различать шаги соседей: в съёмной квартире любой хлопок сперва казался приходом хозяина.

— Я напишу, — сказал он.

— До восьми. Мне место держать.

— Не держи.

— Так я держу для тебя, не для себя.

Яша закончил разговор, оставив последнюю любезность за собой.

***

Кира позвонила с улицы.

— Вынесешь? Я возле третьего подъезда, здесь у вас разгружаются.

Марк уже успел посмотреть на часы и обидеться на девять минут опоздания. Теперь оказалось, что обижался не на то: она вовсе не собиралась подниматься.

— У меня всё готово, — сказал он.

— Штатив? Так я за ним.

Он посмотрел на две тарелки.

— Сейчас.

Штатив стоял за шкафом с апреля. Тогда Кира оставила его на два дня, потом у неё нашёлся другой, легче, а этот постепенно сделался причиной переписки, которую оба могли в любое время начать без особого объяснения. Марк надел куртку, вынул тяжёлую складную конструкцию, проверил зажим на одной из ножек. Тот держал хорошо. Чинить его он закончил ещё в мае.

На площадке лифта стояли две женщины с детской коляской. Марк пошёл по лестнице. Штатив цеплялся за перила; возле второго этажа он остановился, собрал ножки плотнее и прижал к себе. В квартире вещь казалась меньше.

Кира ждала у открытого багажника. Внутри лежали белые панели, свёрнутый фон и коробка с настольными лампами. Одна панель выступала за край, не давая закрыть дверцу. На водительском сиденье горел оставленный телефон.

— Можешь пока подержать? — Кира вытащила панель и подала ему. — Штатив сюда, на землю. Я место освобожу.

— Это мокрое.

— У него ножки мокрые бывают. Он умеет.

Она нагнулась над багажником. Под курткой у неё была выцветшая чёрная рубашка с двумя разными пуговицами на манжетах. Первую Марк помнил: оторвалась, зацепившись за застёжку его сумки. Вторую заменили уже без него.

Возле соседнего подъезда из фургона выгружали диван. Мужчины тащили его спинкой вперёд, перекрывая проход, и Кира всё время поглядывала туда.

— Ты за ними стоишь, — сказал Марк. — Им не выехать.

— Я знаю. Они сказали, можно на пять минут.

— Могла у нашего подъезда.

— Там было занято, когда я приехала.

Он едва не объяснил, кто обычно занимает это место и когда уезжает. Вместо этого спросил, куда поставить панель. Кира показала на заднюю дверь. Пришлось пропихнуть её между передними сиденьями. Угол упёрся в ремень безопасности, и Марк потянул сильнее.

— Не так. Снизу загнётся.

— Я вижу.

— Тогда отпусти.

Она приподняла панель с другого конца, Марк освободил зацепившийся край. Белая плоскость легла по диагонали через весь салон. На водительском месте теперь нельзя было откинуться, но рулю она не мешала.

— Красиво живёшь, — сказал он.

— Это временно. До мастерской.

— Ты туда сейчас?

— Да. Надо всё выгрузить и зарядить. Завтра с утра в школе.

Марк взял штатив, раскрыл одну ножку и показал ей зажим.

— Держит.

— Ты мне сообщил. В мае.

— Теперь можно убедиться.

Кира нажала пальцем на фиксатор, проверила, не сдвигается ли трубка. После этого убрала штатив в сумку, которую достала из-за водительского сиденья. Сумка была пустая, приготовленная именно для него. Она приехала забрать вещь, и к этому всё у неё было готово.

— Я курицу сделал, — произнёс Марк.

Кира застегнула молнию до конца.

— Ты не сказал, что приглашаешь.

— Я подумал, ты поднимешься.

— Я бы могла. Если бы знала заранее. Сейчас не могу.

— В контейнер дать?

Она посмотрела на подъезд, потом на мужчин с диваном. Те как раз выяснили, что в дверь он не проходит, и опустили его на торец.

— Не надо бегать туда и обратно. Поешь сам.

Ему стало неприятно от слова «бегать», хотя она сказала его без насмешки. Пока он стоял с ней рядом, наверху остывала еда, которую он приготовил как будто для себя. Настаивать значило признать, что весь день был устроен иначе.

— В субботу свадьба? — спросил он.

— В субботу. В воскресенье ещё предметка. А завтра после школы Стелла просила зал снять. Они люстру поменяли.

— В «Окне»?

Кира подняла голову.

— Тебя тоже Яша зовёт?

— По другому поводу.

— У него для каждого свой повод. Мне он сказал, Стелле фотографии нужны. Я с ней сама договорилась. Без гостей, до вашего вечера.

— Сколько у него вечеров завтра?

— Не знаю. Сниму только один потолок.

Марк улыбнулся. Кира попробовала закрыть багажник. Сумка со штативом мешала; она повернула её, и замок наконец щёлкнул.

— Деньги в понедельник переведу, — сказал он. — Сорок.

Она осталась возле машины.

— Это уже заработанные?

— Будут.

— Тогда я пока не считаю.

Всего оставалось четыреста сорок тысяч. В первый год после расставания Марк возвращал исправно, потом решил, что Кира не торопит, потому что понимает его обстоятельства. Она действительно понимала. Это позволило ему ещё несколько месяцев пользоваться деньгами, которые он уже должен был вернуть.

В сентябре она попросила назвать день. Не пожаловалась на расходы, не рассказала о сломанной камере — просто попросила день. Он тогда обиделся на сухость и лишь вечером сообразил, что предпочёл бы услышать просьбу, в которой мог отказать.

— Сорок точно. За завтрашнее, — сказал Марк.

Кира открыла водительскую дверь, но не села.

— Ты мне в понедельник напиши, когда отправишь. Не сейчас.

— До конца месяца будет ещё.

— Марк, я помню обе суммы. И сорок, и весь долг. Мне не надо про остаток объяснять каждый раз, когда отдаёшь часть.

Со стороны фургона крикнули. Диван удалось развернуть; один из мужчин придерживал дверь подъезда ногой, второй показывал Кире, что через минуту потребуется место.

Она села за руль. Марк отошёл от двери, но тут же наклонился обратно: панель сдвинулась и закрыла зеркало справа.

— Давай я ещё раз поправлю.

— Нет, так я её на перекрёстке ловить буду.

Кира вышла, открыла заднюю дверь. Они вынули панель, переложили поверх коробки. Теперь конец упирался в край багажника и дверь снова не закрывалась. Марк почувствовал неожиданное облегчение: появилась задача, которую можно было решить до её отъезда.

— Заднее сиденье складывается?

— Конечно. Только там лампы.

— Лампы — сюда. Коробку — за твою спинку. Панель ляжет вдоль.

Кира посмотрела, примерилась и начала переставлять. Он держал белый лист на ребре; ветер пытался вывернуть его из пальцев. Один раз угол ткнулся Марку в подбородок, и Кира, заметив, рассмеялась.

— Ты с ним осторожно. Это дорогой воздух.

— Я уже понял. Он сопротивляется.

Лист лёг ровно. До передних сидений осталось достаточно места. Марк опустил багажник, проверил замок, потом вернулся за коробкой с лампами, которую они поставили на крышу. Коробку чуть не забыли.

Водитель фургона уже выходил из подъезда. Кира поблагодарила его за терпение, села и пристегнулась. Марк закрыл заднюю дверь.

— Зажим всё-таки проверь на съёмке, — сказал он через опущенное стекло. — Он туже остальных.

— Проверю. Спасибо.

Она тронулась, вывернула между припаркованными машинами и уехала. Марк остался рядом с освободившимся местом. Водитель фургона принял его за человека, показывающего дорогу, и помахал, чтобы тот отошёл.

Наверху Марк убрал лишнюю тарелку в шкаф. Курица успела остыть, но картошка внутри оставалась горячей. Он съел две дольки прямо с противня, обжигая пальцы. Потом сел за стол и всё-таки положил себе нормальную порцию.

***

В половине восьмого Марк сам позвонил Яше.

— Сорок до начала, — сказал он. — Отдельно. И я не отвечаю за чужие деньги за столом.

— Ты же проигрываешь мои.

— Поэтому и говорю.

— Триста на вход. Для всех одинаково. Лев тоже в курсе. Игорю скажу сам.

— Нового человека кто привёл?

— Виктор. Давид, фамилию не помню. Они вроде не друзья, по делам пересекались. Нормальный. Свои триста есть.

Марк отошёл от раковины. Он не любил, когда в знакомую компанию приводили человека, о котором организатор знал только наличие денег. На деле Яша обычно знал больше, но сообщал сведения ровно тогда, когда они становились частью оплаты.

— Давид в курсе?

— Нет. И не надо. Он сам по себе. С ним честно. Ты только Виктора не прижимай.

— Если они останутся вдвоём?

— Значит, останутся вдвоём. Мы же не можем за человека счастье выиграть.

Яша засмеялся собственной формулировке. Марк промолчал.

— Правила обычные, — продолжил тот. — Пять закрытых, один обмен, не больше трёх. Сдаём по очереди. Никаких долгов, никаких «завтра довезу». Комнату оплачиваю отдельно. Ты приходишь к семи, он к половине восьмого.

— Без твоих бумажек.

— Каких бумажек?

— На которых человек сначала расписывается, а потом выясняется, что это было обещание прийти ещё.

— Он деловой человек. Если захочет зафиксировать договорённость, я что, стану ему запрещать?

На пустом краю стола лежали ключи, которые Марк так и не убрал после возвращения со двора. Он мог ещё сказать, что не приедет. Сорок тысяч не решали его жизнь; даже долг уменьшали меньше чем на десятую часть. Но они были определёнными, уже названными деньгами, в отличие от всего остального, что он собирался заработать честнее и позднее.

— Без моих подписей, — сказал он.

— Твою подпись я и так видел. Её стыдно показывать людям.

— Яша.

— Договорились. Завтра в семь. И оденься нормально. Виктор любит, когда вокруг достойные люди.

Марк закончил разговор и достал из шкафа серый пиджак. На внутреннем кармане болталась пуговица. Он нашёл нитки, сел под лампу и долго не мог попасть в игольное ушко. В карты его руки умели почти всё, а пуговицу приходилось придерживать слишком сильно, чтобы она не уезжала по гладкой подкладке.

Телефон загорелся сообщением от Игоря: «Ты завтра будешь? Я без тебя не хочу».

Марк ответил: «Буду».

Потом дописал, чтобы тот ничего не занимал у Яши. Посмотрел на обе строки и отправил только первую.

Глава 2. Чужие деньги

В пятницу Марк приехал в «Окно» без пяти семь и застал Стеллу на стремянке. Она вытаскивала из новой люстры кусочек упаковочного пенопласта. Внизу стояла Кира с камерой; по тому, как свободно лежал ремень на её запястье, Марк понял, что сейчас никто не снимает.

— Подержи, — сказала Стелла.

Марк взял стремянку за боковину.

— Меня или лестницу, на выбор.

— Я уже выбрал.

— Вот поэтому тебя и не женят.

Стелла спустилась с белым кусочком в пальцах. На тёмной юбке у неё остались пыльные следы, и Кира молча протянула салфетку. Две женщины давно умели обходиться без просьб, когда речь шла о вещах. О деньгах Стелла предпочитала говорить подробно.

— Мы ведь договаривались, что с обработкой? — спросила она.

— Договаривались.

— И чтобы с улицы не было видно эти машины.

— Я сняла, когда перед окнами никого не было.

— Молодец. А теперь можно кресла на другую сторону? У меня ощущение, что раньше было просторнее.

Марк посмотрел на Киру. Она сняла камеру с запястья и положила на стол, подальше от Стеллиной салфетки.

— Можно. Но это займёт время. У меня в восемь следующий заказ, я говорила.

— Да я помню. Два кресла всего.

Кресла оказались неожиданно тяжёлыми. Пока Марк нёс второе, Стелла успела понять, что первое стоит лучше на прежнем месте. Кира остановила её и попросила встать у окна. На экране камеры маленький зал вдруг сделался собранным, почти парадным: три круглых стола, светлые стены, отражение люстры в стекле. За краем снимка осталось всё, что Марк только что передвигал и обо что ударился коленом.

— Вот так и оставьте, — сказала Кира. — Люди здесь будут сидеть. Им тоже понадобится место.

Стелла посмотрела на изображение, потом на настоящий зал. Было видно, что фотографии она доверяет больше.

В коридоре пахло укропом и нагретым маслом. Из кухни вышла Альбина с подносом чистых стаканов. Марк придержал дверь.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Пока добрый. Вы сегодня до которого часа?

— Мне сказали, до одиннадцати.

— Вам всегда говорят до одиннадцати.

Она прошла в заднюю комнату. Марк пошёл следом. Помещение когда-то было кабинетом: под подоконником ещё виднелась полоса краски, отличавшаяся оттенком от стены, там прежде стояла батарея. Сейчас окна выходили на улицу, под ними помещался низкий буфет. В середине стоял круглый стол с зелёной съёмной накладкой. Дверь вела в тот же коридор, откуда можно было вернуться к главному входу или пройти на кухню. За кухней была хозяйственная дверь во двор. Марк выходил там курить и раньше; короткая железная лестница в дождь становилась скользкой. У дальней стены пристройки находилась боковая калитка, за ней — другой проезд.

Стаканы Альбина поставила на буфет.

— На стол не ставлю. В прошлый раз мне потом рассказывали, что я всё залила.

— Тогда залил Игорь.

— Так я и говорю: мне рассказывали.

Она ушла, оставив дверь открытой. У одного стула хромала ножка. Марк пересел с него на соседний и начал искать, чем подложить. Из коридора донёсся голос Яши:

— Не трогай. Мы его поменяем.

Яша появился с двумя пакетами из магазина. В одном были бумажные салфетки и лимоны, во втором — шесть новых колод в прозрачных коробках. Для игры нужна была одна; остальные Яша любил выкладывать рядом, придавая вечеру вид приготовления к большому делу.

— Ты сегодня хорошо выглядишь, — сказал он.

— Сорок.

— Не успел войти.

— Я успел.

Яша поставил пакеты, достал телефон и несколько раз коснулся экрана. Марк следил за ним без стеснения. На лице Яши промелькнуло раздражение, но уведомление всё-таки пришло: сорок тысяч. Назначение перевода было пустым.

— Доволен?

— Пока да.

Марк сразу открыл переписку с Кирой, выбрал перевод по сохранённому номеру и отправил все сорок. Деньги прошли быстрее, чем он успел придумать сопроводительную фразу. Он написал: «Часть долга. Остаток четыреста». Прочитал, не стал добавлять ни про понедельник, ни про ближайшие заработки.

— Ты даже не посидел на них, — заметил Яша.

Марк убрал телефон.

— Где деньги на стол?

Яша вынул из внутреннего кармана плоский пакет. Триста тысяч. Марк пересчитал купюры, вернул в пакет и положил рядом со своим местом. Яша наблюдал с кротким выражением, словно терпел дорогую причуду старого знакомого.

— Люблю, когда мне доверяют.

— Это твои деньги. Тебе полезно, чтобы я их проверил.

— И помнить полезно, что мои.

Марк поднял голову.

— Сорок — плата за вечер. С этих трёхсот верну то, что останется. Разницу не должен. Мы так договорились.

Яша развёл руками.

— Я тебе бухгалтерию напоминаю, а ты сразу судиться.

— Тогда всё.

Яша заменил стул, попросил не класть телефон на игровую накладку и ушёл проверять, приехал ли гость. Марк проводил его взглядом. Вчера Яша уже знал, что Марк согласится. Сегодня ему требовалось, чтобы согласившийся хотя бы немного чувствовал себя обязанным.

***

Игорь явился с подарочным пакетом, из которого торчал пучок зелени.

— Это тебе, — сказал он, ставя пакет перед Марком.

— Я не знал, что мы настолько близки.

— Петрушка. Мать привезла. Не смейся, нормальная петрушка, с дачи. Я третью неделю ем всё зелёное. Скоро к тебе на подоконник встану.

В пакете лежали две банки солёных огурцов, обёрнутые полотенцами, и толстый мокрый пучок. Марк ощутил знакомый запах погреба. У Игоревой матери он бывал лет пятнадцать назад и до сих пор помнил низкую перекладину, об которую ударился, хотя никто не торопил его подниматься.

— Как она?

— Решила менять окна. В октябре. Всё лето я говорил: давай заменим. Нет, хорошие окна, отец ставил. Теперь внезапно плохие.

— Холодно стало.

— Да ладно? А я думал, она меня таким образом на работу устраивает.

Игорь сел на новый стул, проверил спинку. На нём был синий свитер с высоким горлом, под курткой заметно помятый. Он всегда одевался теплее остальных и всё равно первым жаловался, что дует.

— Ты ел?

— Нет.

— Надо поесть. У Стеллы сегодня котлеты приличные. Я видел, она сама пробовала.

— Что ты ей уже должен?

— Почему должен? Я забочусь о друге.

Он засмеялся, но Марк задержал взгляд. Игорь перестал смеяться, потянул к себе пакет и поправил полотенце на банке.

— Ты вчера хотел что-то написать, — сказал он.

— Откуда знаешь?

— Долго печатал. Потом одно слово. Я думал, сейчас объяснишь, какой я идиот.

— Могу сегодня.

— Сегодня поздно. Сегодня мы достойные люди. Яша инструктировал.

Марк спросил, на чьи деньги он играет. Игорь ответил не сразу. Принялся счищать ногтем белую нитку со свитера, затем сказал, что у него свои, и посмотрел в дверь.

— Все триста?

— Все. Я вернул за машину.

Марк знал, что именно значило «вернул»: Игорь продал старый автомобиль и несколько недель говорил о новом, всякий раз называя меньшую сумму, которую требовалось добавить. Теперь Марк представил его зимой в автобусе, с пакетами матери на коленях.

— Зачем своими? — спросил он.

— Потому что мне нравится хоть раз сидеть за столом без хозяина над душой.

— Сегодня хозяин над столом. От перемены твоего конверта он не исчезнет.

Игорь выдернул белую нитку. На свитере осталась крошечная светлая точка.

— Я не первый день живу. И не прошу меня учить.

Марк хотел сказать, что это он вчера написал «я без тебя не хочу». Придержал слова. В такие минуты дружба с Игорем требовала выбирать между уместным молчанием и точным попаданием. Второе обычно давалось легче.

Из кухни принесли две тарелки. Игорь немедленно оживился, как будто еда доказывала, что серьёзного разговора не было.

— Видишь? О нас думают.

— Это войдёт Яше в счёт.

— О нас дорого думают.

Он разрезал котлету и стал рассказывать о соседском мальчике, который предложил починить матери пульт. За работу попросил двести рублей, взял сто, потому что нашёл только одну подходящую батарейку. Игорь показал, как мать излагала ему условия сделки, важным голосом и с паузами. Марк рассмеялся с набитым ртом. Рассказ оказался длиннее поломки, но

Игорь умел дать постороннему человеку прожить целый маленький вечер, прежде чем перейти к следующему анекдоту.

Кира заглянула в комнату, когда они уже доедали.

— Спасибо, пришло, — сказала она Марку.

Яша как раз вернулся и сделал вид, что не услышал. Игорь поздоровался с Кирой так, будто она пришла к ним в гости.

— Садись. Тут кормят за чужой счёт, а потом берут своё.

— Мне ехать. Марк, ты пакет с огурцами домой возьмёшь?

— Планирую.

— Тогда отнеси в гардероб. У тебя из него течёт.

Под пакетом расползалось маленькое тёмное пятно. Игорь застонал: мать, конечно, положила зелень прямо из мокрой ткани. Марк поднял подарок, вытер стол салфетками. Кира уже ушла, пока он занимался хозяйством. Он догнал её в коридоре — с пакетом в одной руке, с использованными салфетками в другой.

— Ты до восьми успела?

— Ещё даже половины нет.

— Я про фотографии.

— Успела. Стелла кресла вернула, пока я собиралась.

Кира застегнула сумку с камерой. На её плече висел тот самый штатив. Марк потянулся помочь, потом отступил, освобождая дверь.

— Завтра тебя не будет? — спросил он и сам услышал, что вопрос прозвучал странно: завтра у них не было ничего общего назначено.

— Завтра свадьба, помнишь?

— Помню.

— Так что на звонок могу не ответить.

— Я не собирался мешать.

Она посмотрела на мокрый пакет, затем на его лицо.

— Марк, я просто сказала, где буду.

Он кивнул. Кира вышла. С улицы пахнуло холодным воздухом, мокрой шерстью чьего-то пальто; входную дверь тут же подхватил с другой стороны крепкий мужчина с чёрной сумкой.

— Добрый вечер. Я правильно пришёл?

За ним стоял высокий молодой человек в светлой куртке. Он держал телефон и смотрел на Марка с таким вниманием, словно уже слышал его имя, но не хотел здороваться первым.

— Виктор? — спросил Яша за спиной Марка. — Вот теперь можем начинать.

Марк шагнул в сторону. Сумка Виктора едва не задела пакет с огурцами. В коридоре на мгновение стало тесно от чужих вещей, и всем пришлось вежливо пропустить друг друга.

Глава 3. Шесть стульев

Виктор пожал Марку руку, успев переложить сумку в левую. Ладонь у него была сухая, тёплая; узкий шрам пересекал костяшку большого пальца. Он представился полностью, Виктор Ершов, без отчества, и спросил, куда можно повесить куртку.

— Туда, где не капает, — ответила Стелла, указывая на Марков пакет.

Марк отнёс огурцы под вешалку. Давид сам нашёл свободный крючок, проверил карман снятой куртки и только после этого повернулся к остальным. Виктор представил его коротко:

— Давид Лосев. Мы по работе познакомились.

— По моей, — сказал Давид.

Виктор улыбнулся, словно это была заранее известная шутка. Давид не улыбнулся. Яша с удовольствием подхватил:

— Значит, сегодня познакомимся по нашей. У нас работа лёгкая, сидячая.

Пока шли в комнату, он успел спросить Виктора о дороге, о новых заказах и о том, пьёт ли тот хороший коньяк. Последний вопрос был задан так, что отказ требовал отдельного достоинства. Виктор отказался.

— За рулём? — уточнил Яша.

— Нет. Просто не хочу.

— Это уважительная причина. Игорь, тебе тогда придётся за двоих.

Лев уже сидел в комнате и завязывал пакет с чем-то длинным. При виде гостей он встал. На буфете лежали два металлических кронштейна; Стелла тут же подхватила их и начала благодарить за полку, которую ей обещали привезти ещё в августе.

— Не ставь пока тяжёлое, — сказал Лев. — Шурупы я взял, а стена там плохая. Завтра мой парень заедет, посмотрит.

— Ты бы его сразу сегодня привёз.

— Он сегодня сына из садика забирает.

— Сын небось уже в школу пошёл, пока я полку жду.

Лев рассмеялся и убрал пакет под буфет. Марк любил эту его способность не делать из помощи события. Лев привозил нужную деталь, называл день и, если не успевал, сам сообщал об этом. В их кругу такое встречалось реже, чем умение быстро одолжить крупную сумму.

С Виктором он поздоровался чуть официальнее, чем с остальными.

— Устроились? Вам ближе к окну удобно?

— Мне всё равно.

— Тогда я подвинусь. Здесь батарея, жарко.

Они обменялись местами, и Марк отметил: знакомы. Яша говорил, что Лев тоже из холодильного дела, так что удивляться было нечему. Когда Виктор сел, сумку он поставил между своими ногами и ножкой стула. Сверху выглядывал угол тонкой тёмно-синей папки.

Яша положил на середину стола запечатанную колоду.

— Прежде чем начнём. У нас свой короткий порядок. Пять закрытых, без джокеров. Один обмен, до трёх карт. Торговля до обмена и после. Сдача по кругу, ход после сдающего. На каждую раздачу по тысяче с человека. Если все пропускают первый круг, обмениваемся и говорим дальше. За комнату я плачу отдельно, из банков ничего не забираем.

— А добавить можно? — спросил Виктор.

— Между раздачами. Сначала у всех по триста. В долг не играем, чужие обещания вместо денег не принимаем. Если останешься один и все сбросят, банк твой, карты можно не показывать.

— Это я понимаю.

Яша кивнул с улыбкой. Он любил получать от новичка такое уточнение: оно позволяло дальше разговаривать с ним на равных, не переставая объяснять очевидное.

У Виктора было с собой больше трёхсот тысяч. Он достал из сумки несколько пачек, выбрал нужные и вернул остальные. Давид в этот момент смотрел в телефон. Марк заметил, как молодой человек перестал двигать большим пальцем по экрану, хотя глаз не поднял.

— Полтора ещё оставляю, — сказал Виктор, застёгивая сумку. — Я после банка. Не пугайтесь.

— Мы деньгами не пугливые, — ответил Игорь.

— Резерв отдельно, — быстро произнёс Марк. — В игру триста?

Виктор посмотрел на него, потом кивнул.

Яша по очереди пересчитал шесть взносов. Каждый получил фишки на триста тысяч, а деньги легли в жестяной ящик на буфете. Ящик остался незапертым; здесь не было человека, которому остальные собирались доверить ключи от собственного вечера. Марк проверил свои столбики и отодвинул ближайший от стакана. Игорь постучал ребром ладони по фишкам, выравнивая их, будто уже выиграл что-то существенное.

В половине восьмого Яша вскрыл колоду, вынул двух джокеров и рекламную карточку. Дал Льву проверить комплект, затем протянул Виктору снять.

— Я думал, уже всё разложено, — сказал Виктор.

— Хотите готовую судьбу? — спросил Яша. — Здесь так не умеют.

Марк наклонился за платком, хотя платок был в кармане пиджака. Ему понадобилась секунда, чтобы не посмотреть на Игоря.

***

Первую сдачу никто не превратил в событие. Марку пришли разномастные мелкие карты и один король. После небольшой ставки Льва Игорь быстро сбросил. Марк последовал за ним и стал следить за гостем. Виктор держал карты низко, веером, но крайними пальцами закрывал достоинства слишком удобно для человека, который редко играет. Он ни разу не переложил фишку с одной руки в другую. Когда захотел пить, сначала положил карты рубашкой вверх, потом взял стакан.

Это ещё ничего не доказывало. Марк терпеть не мог уверенные выводы по тому, как человек держит стакан; собственные привычки он менял быстрее, чем успевал сменить работу. Но Яша продал ему неопытного гостя, а гость не нуждался в помощи.

В следующей раздаче у Виктора осталось двое соперников. Марк, Давид и Лев ушли до обмена. Игорь поменял три карты, Виктор две. Яша после обмена сбросил. После второй торговли открылись пара валетов у Игоря и два туза у Виктора. Чёрный туз и бубновый лежали немного косо; Виктор выровнял их уже после того, как Яша объявил победу.

— Вот видите, — сказал Яша. — Первый тост за начинающего везунчика.

— Я же не пью.

— Можно чаем. Я за правду, а не за напиток.

Игорь поднял стакан. Марк видел, как охотно Игорь доплатил после обмена. Хорошая, скучная работа. Виктор собрал фишки и поставил отдельной маленькой башней. Посмотрел на Давида, который пересчитывал оставшиеся фишки и не ответил на взгляд.

Через несколько сдач Давид выиграл у Яши. Он не обрадовался, лишь подгрёб банк и разделил фишки по цветам. Марк понял, что разговаривать с ним за столом будет трудно. Молодой человек вслушивался в каждую реплику так, словно вежливость могла содержать дополнительное условие игры.

— Давно играете? — спросил Марк.

— Бывает.

— По работе тоже?

Давид поднял глаза. На миг в них появилась весёлость.

— По работе гайки кручу. Там люди злятся, когда я сдаю.

Игорь засмеялся слишком громко и стал рассказывать о сантехнике, который бросил у его матери половину инструмента. Давид выслушал и поправил только одну подробность: если оставил пресс, вернётся; если старый ключ, можно не ждать.

— Почему? — спросил Игорь.

— Пресс дорого стоит.

— А ключ?

— Ключ может стоить меньше, чем разговор с вашей матерью.

Игорь посмотрел на Марка и снова рассмеялся. Впервые за вечер Давид ответил ему улыбкой. Даже Виктор откинулся на спинку, как будто стало легче дышать.

Марк попытался продолжить разговор о работе, но Давид уже забрал карты. У него были красивые руки для человека, постоянно работающего с железом: длинные пальцы, короткие ровные ногти, только у основания большого пальца виднелась свежая ссадина. Сорвавшийся ключ или край листа — Марк не стал гадать. Молодому человеку совсем не требовалась вежливая история о трудовой жизни для компании богатых бездельников.

— У меня завтра заказ, — сообщил Давид, обращаясь к Яше. — До ночи я здесь не останусь.

— Как договорились. Одиннадцать, считаемся. Виктор тоже человек занятой.

— Я могу, — сказал Виктор.

Давид перестал улыбаться.

— А я не могу.

Марк увидел, как Яша собирается сгладить эту маленькую неловкость, и заговорил раньше него:

— Тогда до одиннадцати. Все услышали.

У Яши чуть сузились глаза. Он привык, что последнее удобное слово принадлежит ему.

***

В одной из следующих раздач Марку пришли три семёрки. Две другие карты были разных мастей, девятка и дама. Рука позволяла играть всерьёз, и на мгновение он испытал привычную ясную радость: сейчас всё зависело от того, сколько противник готов отдать за надежду. Потом он вспомнил, за что получил сорок тысяч.

Он вступил в торговлю без повышения. Давид сбросил, Виктор ответил, остальные остались до обмена. Марк сменил девятку и даму, получил пустые карты и сохранил тройку. Виктор попросил одну. После обмена Игорь пропустил ход. Марк тоже не стал открывать торговлю. Виктор постучал по столу; Яша поставил немного, словно лишь напоминал, что они здесь собрались не ради чая. Лев ответил, Игорь тоже.

Марк мог поднять ставку. Вместо этого он положил карты перед собой и сказал:

— Пас.

Поступок был малозаметный: сильной руки никто не видел. Яша на него даже не посмотрел. Через минуту Виктор забрал банк с двумя парами, старшая — дамы. Проигрыш получился ровно таким, как требовалось: человек выиграл сам, своими хорошими картами, никто не хлопал его по плечу и не сообщал, что судьба переменилась.

Но Виктор вдруг спросил:

— Марк, а вы почему ушли?

— Не захотел платить.

— У вас были плохие?

— Уже сбросил.

— Я понимаю. Просто интересно.

Он произнёс это без улыбки. Марк пожал плечами. Хорошего ответа на чужое ненужное любопытство не существовало. Можно было развернуть ответ в шутку, заставить гостя почувствовать себя неловко или показать следующую руку за плату. Ни один способ сегодня не подходил.

— Решил беречь деньги, — сказал он.

— Это разумно, — отозвался Виктор.

Игорь, сдававший следующую, попросил не обсуждать чужие кладбища. Карты легли на сукно с мягкими шлепками. Виктор всё ещё смотрел на Марка; затем отодвинул выигрыш к основным фишкам. Башня исчезла, теперь перед ним стояла одна широкая полоса.

Марк вернулся к собственным картам. Два туза. Он закрыл их ладонью и впервые за много лет подумал, что хорошие карты могут испортить вечер.

Глава 4. Хорошая рука

Тузовая пара ничего Марку не принесла. Он поменял три карты, остался с парой и уступил Давиду, который открыл тройку десяток. Виктор ушёл раньше, не дождавшись последней ставки. Такая раздача вполне устраивала Марка: молодой человек был здесь сам по себе, с ним велели играть честно. Он отметил потерю и передвинул к себе остаток фишек.

— А у вас было что-нибудь? — спросил Давид у Виктора.

— Не хватило.

— До чего?

— До уверенности.

Яша рассмеялся. Давид не смотрел на него. Вопрос повис ещё на секунду, затем Игорь собрал карты и протянул колоду дальше.

К восьми Виктор выиграл заметно. Сумму Марк не пересчитывал, но после нескольких банков перед гостем стало теснее. У него самого фишек оставалось достаточно, чтобы не выглядеть человеком, которого уже раздели. У Яши — меньше. Организатор легко отдавал собственные деньги, если заранее представлял, сколько чужих к ним прилипнет в следующий раз.

— Мне нравится, что вы не торопитесь, — сказал Виктор Марку.

— Вам стоит играть с торопливыми. От них больше пользы.

— А вы от чего живёте?

Яша поднял голову. Марк знал этот его взгляд: ответ может быть любым, лишь бы гость остался доволен.

— От торговли, — сказал Марк.

— Чем?

— По-разному. Бывает оборудование. Бывают чужие остатки.

Это не было полной выдумкой. Последний раз он действительно помогал продавать партию офисных кресел, задержавшись при этом в чужом помещении на три недели. Пока Игорь убеждал потенциальных покупателей, что кресла почти новые, Марк искал владельца половины стульев, оказавшихся в той же партии по ошибке. Заработал он меньше, чем Яша сегодня заплатил за улыбку.

— Перепродаёте? — уточнил Виктор.

— Стараюсь продать прежде, чем понадобится перепродавать.

— Это правильный подход. На складе товар начинает есть деньги.

Он сказал это без снисхождения, и Марк невольно обрадовался. Ложь получила удобное продолжение. Можно было поговорить о доставке, о людях, которые приезжают смотреть товар и торгуются уже после погрузки, о неприятных покупателях. Виктор рассказывал не гладко: забывал слово, возвращался к началу фразы, сам смеялся там, где история пока не давала повода. Его слушали охотно.

— Был у нас один, — начал он, беря карты. — Хочет витрину. Длина ровно два метра, ни больше ни меньше. Мы считаем, делаем предложение. Потом оказывается, два метра — это у него дверь, куда витрина должна пройти. По высоте.

Лев покачал головой.

— Ты про Сергея из Галича?

Виктор посмотрел на него.

— Про него.

— Он дверь в конце концов вынул. Коробку тоже. А стену жалко стало уже потом.

— Как у вас всё хорошо начинается, — сказал Игорь. — Купил холодильник, остался без дома.

Давид отложил карты и спросил, почему не сняли верхний блок. Виктор ответил, что это была старая модель, и они несколько минут обсуждали устройство, которого Марк никогда не видел. Лев перестал участвовать после первой реплики. Он налил воды Стелле, заглянувшей в комнату, и молча подвинул ей стакан, когда у неё заняли руки пустые тарелки.

Разговор постепенно вернул Виктору обычное лицо. Он перестал быть богатым гостем, которого нужно развлекать, сделался человеком с неудобными клиентами и знакомым поставщиком. Марку захотелось, чтобы так прошло всё оставшееся время. Сыграли, посмеялись, разошлись. Если Яша потом захочет другого вечера, пусть обойдётся без него.

Виктор посмотрел карты и спросил, его ли очередь менять. Вопрос был простой, но ответ он уже должен был знать: перед ним сменил Давид, после него оставался Лев. Марк отметил это маленькое запоздание. Так делали люди, отвлёкшиеся на разговор. Так же делали люди, желавшие выглядеть отвлечёнными.

***

Раздача, которую Марк запомнил первой, началась совершенно обыкновенно. Яша сдал, все внесли по тысяче. Лев слева от сдающего пропустил, Игорь тоже, Марк поставил пять. Давид ответил, Виктор ответил, Яша остался; Лев и Игорь сбросили. В середине лежало двадцать шесть тысяч: шесть обязательных взносов и четыре ставки по пять.

У Марка были два короля, трефовый и бубновый, и три карты, которые он без сожаления отдал при обмене. Вернулись четвёрка пик, восьмёрка червей и дама пик. Ни одна не улучшила пару. Давид попросил одну, Виктор три, Яша две.

Марк пропустил. Давид поставил десять тысяч. Виктор долго смотрел на его фишки, поднял свою руку, посмотрел ещё раз и вдруг положил карты рубашкой вверх.

— Я всё.

Давид перестал перебирать оставшиеся фишки. Марку показалось, что он хотел что-то спросить, но передумал. Яша тоже сбросил. Теперь Марк должен был решить, сколько готов платить человеку, оставившему четыре карты. Он ответил: два короля могли пригодиться против случайной пары или попытки изобразить сильную руку.

Торговля закончилась. Давид открыл два валета и две шестёрки. Короли Марка проиграли. Давид придвинул к себе сорок шесть тысяч, весь банк этой раздачи, включая собственные шестнадцать. Марк отдал королей в сброс.

— Красивые, — заметил Игорь. — Жалко таких отпускать.

— Игорь, сдай человеку свои, — сказал Яша. — Он порадуется.

— Сначала посмотрю, что мне достанется.

Все засмеялись, кроме Виктора. Он положил ладонь на ещё не собранные карты и задержал Яшу.

— А если я после обмена передумал, можно оставить старые?

Марк посмотрел на него. Вопрос прозвучал настолько не к месту, что на секунду хотелось проверить, не ослышался ли он.

— Старые уже ушли, — объяснил Яша. — Они в общей куче. Нельзя.

— Понятно. Просто уточняю.

— Что было-то? — спросил Игорь.

— Пара.

— И вы поменяли три. Всё правильно.

Виктор убрал руку, позволив собрать карты. Марк продолжал смотреть на него. Прежде гость сам заметил неоплаченную ставку Льва и попросил закончить торговлю до обмена. Сейчас он вдруг не понимал, можно ли забрать сброшенные карты. Ошибка могла оказаться настоящей, могла быть шуткой. Марк не видел её смысла.

Зато Давид видел. Во всяком случае, выглядел так. Он выровнял выигрыш и сказал:

— Давайте просто играть.

— Так мы и играем, — отозвался Яша.

— Я заметил.

Марк отвернулся к окну. На другой стороне улицы женщина пыталась закрыть зонт, прежде чем сесть в машину. Зонт не складывался; спутник держал дверь, потом взялся помогать и только перегородил ей проход. Простая борьба с вещью за стеклом вдруг привлекала сильнее, чем люди за столом. Там было видно, кто чего хочет.

***

Яша объявил, что проигрывает потому, что ест слишком мало. Стелла принесла закуски, велела ставить тарелки на боковые подставки и напомнила, что зелёная накладка обошлась ей дороже всего остального стола.

— Я её привёз, — заметил Лев.

— А я её берегу. У каждого работа.

Марк взял кусочек хлеба. Виктор ел осторожно, придерживая салфетку под подбородком; отломил половину и вернул вторую на свою тарелку. Телефон на буфете загорелся. Он извинился, встал и вышел в коридор. Марк услышал только первое:

— Вер, я помню.

Давид уставился на пустой стул. Яша предложил доиграть без гостя, но Марк сказал, что они только начали раздачу и можно подождать. Тогда Игорь вспомнил историю, которую уже рассказывал вчера. Яша позволил ему дойти до середины и вмешался с уточнением, полностью разрушившим смешную концовку.

— Ты мог бы хоть раз забыть, что слышал, — пожаловался Игорь.

— Я забываю долги. Шутки помню.

Давид поднялся за водой. Марк спросил его вполголоса:

— Вы обиделись?

— На что?

— Не знаю. Поэтому спрашиваю.

Молодой человек держал стакан под наклоном, вода упиралась в самый край. Он выровнял руку.

— Нет.

— Если условия не устраивают, лучше сказать сразу.

— Условия меня устраивали.

Давид вернулся за стол. Прошедшее время в его фразе задело Марка. Он представил самый неприятный вариант: они с Виктором заметили подыгрывание и теперь решают, как наказать гостеприимных хозяев. Тогда предстояло потерять намного больше, чем триста тысяч Яши. Но ничего похожего на сговор в поведении этих двоих пока не было. Они не помогали друг другу, почти не разговаривали, и всякая попытка Виктора облегчить разговор делала Давида злее.

Гость вернулся, сел и взял оставленные карты.

— Дочь звонит? — спросил Яша.

— Да.

— Переживает, что вас обыграют?

— У неё свои дела.

Ответ закрыл тему настолько определённо, что Яша поднял ладонь: принято. Марк впервые увидел, как организатор уступает гостю настоящий кусок пространства, без улыбки и обещания вернуться к разговору позже.

Виктор поставил. Яша ответил гостю. Марк посмотрел на Давида и вдруг понял, что совершенно не знает, кому сейчас помогает. Он сбросил карты. Давид тоже отказался. Через минуту Яша проиграл ещё один банк.

Фишки Виктор сдвинул в сторону, освобождая место для новой сдачи. На этот раз он не стал их считать.

Глава 5. Чужая очередь

К половине десятого в комнате стало душно. Никто не хотел признаться в усталости первым, и перерыв объявила Альбина: ей требовалось унести посуду, пока соус не засох окончательно. Она смотрела на тарелки с таким огорчением, что люди сами начали отдавать их, недоев.

— Пятнадцать минут, — сказал Яша. — Если кто забудет дорогу обратно, найдём.

Виктор встал и сразу взял сумку. Марк заметил это движение, потому что остальные оставили деньги на столе в виде цветных пластмассовых кружков. Даже Давид пошёл в коридор с пустыми руками. Гость задержался у буфета, выпил воды и только тогда вышел.

Марк закрыл глаза. Перед веками ещё оставались красные и чёрные значки. Он никогда не уставал от самих карт, уставал от необходимости поддерживать выражение лица, соответствующее чужому плану.

— Ты бы воздухом подышал, — сказал Игорь.

— Сейчас.

— Яша недоволен.

— Он уже сказал?

— Не надо говорить. Ты видел, сколько у меня осталось?

Марк посмотрел на Игоревы столбики.

— Вижу.

— Я думал, мы чуть-чуть дадим, раззадорим. А этот всё тащит. Куда ему ещё?

— Тебе Яша что обещал?

— Потом поговорить.

Марк выпрямился. Игорь торопливо добавил:

— Нормально поговорить. Ты не думай, что я совсем идиот. Он сказал, расходы учтёт во второй встрече.

— А если второй не будет?

Игорь помолчал. Марк видел, как он ищет ответ в прежних удачных вечерах: тогда Яша действительно доплачивал, когда не был обязан, организовывал поездку, устраивал работу, занимал без лишних вопросов. Он умел выдавать полезность вперёд, чтобы позже пользоваться ею, как общей кассой.

— Будет, — сказал Игорь. — Человеку нравится.

Марк не ответил. Виктору не нравилось. Он пока не понимал, что именно мучает гостя, но удовольствие выглядело бы иначе.

Игорь вдруг пригнулся к нему:

— Скажи, ты из-за Киры такой?

— Какой?

— Всё тебе сегодня поперёк. Я к тебе нормально, ты мне сразу счёт.

— Потому что это деньги за твою машину.

— Да знаю я, откуда они! Я сам её продавал.

Он поднялся, схватил со спинки куртку и промахнулся рукой мимо рукава. Марк потянулся придержать воротник. Игорь выдернул куртку, затем смутился собственной резкости.

— Пойдём. Хватит здесь.

Они вышли через кухню. Альбина поставила на пол ведро, давая им пройти, и предупредила, что на ступеньках мокро. Лев, стоявший у двери, взял из её рук коробку пустых бутылок и отнёс к контейнеру.

Во дворе светила одна лампа под козырьком. Она освещала железные ступени и полосу бетона вдоль стены. Дальше лежал неровный асфальт с островками тёмной земли. За низкой

перегородкой соседний склад разгружал маленький фургон; кто-то в глубине ворот просил не ставить коробки к стене, там опять текло. Боковая калитка выходила на другой проезд. Через неё проходили рабочие, которым не хотелось обходить здание до улицы.

Лев вернулся без коробки и остановился рядом. На нём была тёмная короткая куртка. Когда он достал сигареты, свет упал на светлую починку у края правого рукава.

— Зацепил? — спросил Игорь.

Лев посмотрел на манжету.

— Ещё весной. Думал, выброшу. Потом жена зашила, теперь жалко.

— У моей матери так тапочки живут. Я купил новые, они стоят. Старые всё ещё лечат.

Лев протянул пачку Марку. Тот покачал головой. Курить он перестал четыре года назад, но время от времени выходил вместе с курящими: за столом отдельный разговор всегда звучал слишком значительным.

— Ершова давно знаешь? — спросил он.

— Работаем. «Северный холод», ты слышал. Он больше по закупке, я по заказам.

— Яша говорил, совсем новый человек.

— За этим столом новый. В остальном давно вырос.

Марк посмотрел на кухонное окно. Отсюда видны были плечи Альбины и край мойки, игровая комната находилась с другой стороны здания. Даже если бы Виктор сейчас подошёл к своему окну, двор он не увидел бы.

— Он нормально играет, — сказал Марк.

— Так никто не говорил, что у него две левые руки.

— Говорили: опыта мало.

Лев стряхнул пепел в металлическую банку у ступеней.

— Может, Яша мало попросил, вот тебе и кажется. В прошлый раз ты весь вечер молчал.

— В прошлый раз мне не надо было помогать чужому счастью.

Игорь засмеялся, но Лев только пожал плечами. Для него разговор закончился. Он спросил, меняли ли мать Игоря и её соседка батареи, потому что у его мастера на следующей неделе освобождается день. Игорь немедленно достал телефон, чтобы показать фотографию трубы.

Марк постоял рядом, слушая, как двое мужчин договариваются о совершенно настоящей помощи. У Игоря оживилось лицо. Он уже представлял, как позвонит матери и сообщит, что нашёл человека, и как она сначала откажется, потом будет благодарить. Марку стало неловко за свою раздражённую заботу: она редко давала такой быстрый и полезный результат.

Он вернулся внутрь раньше остальных.

***

В коридоре Давид стоял у вешалки, прижав телефон к уху. Он говорил негромко, но довольно сердито:

— Я же сказал, завтра посмотрю. Сегодня занят… Нет, не забыл. Сам привезу.

Заметив Марка, он отвернулся к стене. На полу возле курток стоял Викторов чёрный баул. Сам Виктор был в малом зале, разговаривал с Яшей. Дверь туда оставалась приоткрытой, и Марк увидел тёмно-синюю папку на одном из круглых столов.

— Здесь только дата и сумма, — говорил Яша. — Чтобы потом не выяснять, кто что обещал.

— Мы об этом не договаривались.

— Поэтому я и показываю заранее.

Марк остановился в дверях. Яша заметил его и улыбнулся с предупреждением.

— Наш скептик. Марк у нас документы не любит.

— Люблю, когда их читают.

Виктор поднял лист. На столе лежала ручка. Марк видел шапку с названием какой-то договорённости и пустую строку внизу, но сумму разобрать не мог. Он не подошёл ближе.

— Это ко мне относится? — спросил он.

— Нет, — ответил Яша.

— Тогда я подожду.

— Чего?

— Пока вы закончите. Перерыв почти прошёл.

Яша посмотрел на часы с выражением человека, которого обвинили в краже минут. Виктор положил лист обратно в папку.

— Я заберу. Посмотрю дома.

— Конечно. Так даже лучше.

— И никаких обязательств за мою сегодняшнюю игру.

— Виктор, вы меня обижаете.

— Я уточняю.

Виктор застегнул папку на тонкую резинку и вышел к вешалке. Яша остался в зале. Марк хотел уйти следом за гостем, но организатор тихо сказал:

— На две секунды.

Две секунды у него всегда означали разговор, из которого нельзя было уйти без последствий.

— Ты чего от меня хочешь сегодня? — спросил Яша.

— Закончить в одиннадцать.

— Мы закончим. Деньги получил, со своей дамой разобрался. Расслабься.

Марк повернулся к нему всем корпусом.

— Про неё больше не говори.

— Да я ничего плохого.

— Я услышал.

Яша подержал паузу, потом поднял ладони, соглашаясь. Он умел отступать быстро, когда впереди не было конкретной выгоды.

— Ладно. Про игру. Я не понимаю, что у тебя с лицом. Он выигрывает, всё идёт. Давай ещё полтора часа спокойно.

— Ты зачем ему бумагу суёшь?

— Чтобы он не исчез. Я сегодня тебе заплатил, ему устроил вечер. Хоть какая-то определённость мне полагается?

— За чужую явку — нет.

— Вот когда сам начнёшь собирать людей, тогда и поговорим.

За дверью засмеялся Игорь. Лев вернулся с ним со двора. Давид закончил звонок, Виктор взял сумку. Все снова собирались в одной комнате; Марк вдруг ощутил, как легко они могли бы сейчас разойтись. Деньги уже лежали в ящике, их можно было посчитать за пять минут. Гость ушёл бы с прибылью, Игорь со своей потерей, Яша с ненужным листом. Но ни один не хотел первым сказать, что вечера достаточно.

Марк пошёл к столу.

***

Возвращались по одному. Виктор задержался в коридоре с Давидом. Марк не слышал слов, увидел лишь, как Виктор придержал молодого человека за локоть, а тот аккуратно, без рывка убрал руку. Лев стоял у буфета, доливая воду, и тоже посмотрел в дверь.

— Есть ещё чай? — спросил он Альбину.

— Есть. Вам всем?

Игорь попросил кофе, Яша — ничего, Марк кивнул. Альбина сказала, что кофе будет позже: машина снова требует чего-то, чего она не понимает. Лев вышел посмотреть. Дверь кухни была напротив поворота коридора; там же остановились Виктор с Давидом. Через минуту голоса утихли, первым вернулся Давид.

— Продолжаем? — спросил он.

— Дожидаемся остальных, — ответил Марк.

— Очень дружная компания.

Давид сел, отодвинул стул чуть дальше от стола и принялся считать фишки. Марк хотел объяснить ему, что две минуты ожидания не были заговором. Вместо этого спросил:

— Кофе будете?

— Нет.

— Тогда чай.

— Я сказал, нет.

Марк перестал предлагать.

Лев вернулся с подносом, на котором стояли чашки. За ним вошёл Виктор. Гость поставил сумку, поправил стул и посмотрел на Давида. Тот уже ждал новую раздачу, положив обе ладони на край стола.

Часы показывали без десяти десять. Яша спросил, чей ход сдавать. Все почти одновременно назвали разные имена, и впервые за вечер пришлось действительно восстановить очередь.

Глава 6. Карты рубашкой вверх

После перерыва Виктор перестал задавать вопросы. Это оказалось заметнее прежних ошибок. Он вступал в торговлю сразу, менял карты, не переспрашивая очередь, и собирал фишки двумя руками, когда место перед ним заполнялось. При этом играл неровно: легко уступал маленькую ставку и вдруг оплачивал такую, после которой Игорь свистнул бы, будь они дома.

Марк сначала решил, что гость нервничает из-за листа в папке. Яша любил подавать неприятное предложение в середине приятного вечера, когда отказ казался невежливым. Виктор мог теперь играть против них всех, желая просто уйти с большей суммой. Но этому объяснению мешало слишком многое.

Давид поднял ставку. Виктор ответил. Яша поднял ещё, и Давид, подумав, сбросил. Гость посмотрел на пустое место перед молодым человеком, затем тоже отказался. Яша с улыбкой забрал банк.

— Иногда надо и хозяевам что-нибудь оставить.

— Вы здесь хозяин? — спросил Виктор.

— В смысле, принимающая сторона. Стелла услышит, выгонит.

Он улыбнулся ещё шире, но Виктор уже забрал следующую руку.

Марк поймал себя на том, что ждёт повторения. Давиду достаточно было остаться в раздаче, и Виктор охотно продолжал. Как только молодой человек сбрасывал, у гостя часто пропадал интерес. Такое случалось не каждый раз. Однажды Виктор вполне уверенно выиграл у Льва; ещё раз оплатил Яше и остался без банка. Марк не мог вывести из этого простой порядок. Он пока видел только сильное неудобство, которого никто не желал назвать.

Игорь начал часто смотреть на телефон. Матери он уже отправил фотографию нужной детали и получил несколько сообщений в ответ. Одно показал Марку: «У Лиды тоже течёт. Спроси сразу за двоих».

— Лида какая? — спросил Марк.

— С третьего. Ты её видел, она ещё у мамы на кухне сидела, когда мы окна заклеивали.

— Это было когда?

— Да не помню. Она всё ещё там сидит.

Марк улыбнулся. Игорь немедленно придвинул телефон ближе, начал показывать второе сообщение. Там мать уже спрашивала, не слишком ли дорогой мастер.

— Скажи, завтра узнаешь, — предложил Марк.

— Я уже сказал. Она уточняет, можно ли узнать сегодня.

— Игорь, — позвал Яша. — У нас тут тоже вопрос.

Друг убрал телефон и посмотрел карты. Слишком быстро бросил их в сброс. Марк заметил, как у него дрогнул угол рта. Свои деньги проигрываются с другой скоростью, даже если фишки перед человеком те же.

***

К половине одиннадцатого Яша заговорил о следующем четверге. Не спросил, свободны ли остальные, а сообщил, что в четверг кухня будет лучше: Стелла обещала привезти рыбу.

— Я в четверг работаю, — сказал Давид.

— Мы все работаем. Потом надо жить.

— Я вечером работаю.

— Значит, без тебя. Не обижайся, стол большой.

Марк поднял глаза на Яшу. Тот сделал вид, что не замечает. Давид глядел на Виктора. Гость разглаживал край карты большим пальцем, очень осторожно, не сгибая.

— На следующей неделе пока не знаю, — сказал он.

— Вы же говорили, можете, — напомнил Яша.

— Сегодня могу. Про следующую не говорил.

— Обсуждали.

— Обсуждали и договорились — разные вещи.

Лев попросил дать ему закончить ход. Яша извинился, Марк поддержал. На стол легли фишки; обычное действие спасло разговор от необходимости продолжаться.

Виктор оказался прав ещё в одном. Он действительно мог остаться сегодня. В нём не было усталости, заставлявшей людей уходить после выигрыша. Он всё время будто ждал подходящей минуты, которая никак не приходила. Марк знал это состояние по собственным вечерам, когда большая часть денег ещё оставалась у того, кто собирался домой.

После очередной сдачи Давид встал. Фишек не коснулся, сказал, что вернётся. Виктор проводил его взглядом. Яша уже потянулся к колоде, но Марк положил ладонь на край стола.

— Подождём.

— Опять?

— Мы обещали играть всем столом.

— Ничего такого мы не обещали. Кто вышел, пропускает.

Это было верно. Марк убрал руку. Игорь начал раздавать на пятерых, и Виктор поднялся тоже.

— Секунду, я воды.

— У вас же есть, — сказал Яша.

Виктор посмотрел на свой полный стакан.

— Тогда просто встану.

Он вышел в коридор. Игорь остановился с двумя картами в руке.

— Чего делаем?

— Ждём, — ответил Марк.

Яша отвернулся к буфету. Лев собрал недоданную раздачу и сказал, что на пустые стулья всё равно играть неудобно. В его голосе не было упрёка, но Марк услышал усталость. За полчаса они растеряли всё, что Яша готовил целый день: разговор, лёгкость, ощущение случайно сошедшихся приличных людей.

Давид вернулся один. Сел, вытер руки бумажной салфеткой. Марк не спрашивал, говорил ли с ним Виктор. Через минуту вернулся и гость. Он убрал полный стакан подальше и попросил продолжать.

Телефон Виктора коротко завибрировал на буфете. Тот посмотрел на экран, набрал ответ и положил аппарат дисплеем вниз. На этот раз в коридор не выходил. Марк увидел на его запястье белую полосу от давно снятых часов. Такие мелочи он запоминал без усилия; точного смысла чужих поступков они не прибавляли.

***

Последнюю раздачу Яша начал за несколько минут до одиннадцати. Позже Марк помнил время по настенным часам: стрелка остановилась для него на без пяти, хотя сам механизм продолжал исправно идти.

Все внесли по тысяче. Первый круг прошли без ставок. Марк смотрел на свои пять карт — одну пару шестёрок и три одиночные — и думал о том, что дома надо вынуть петрушку из мокрой ткани. Он мог ещё вернуться обычным человеком с обыкновенным хозяйствен-

ным делом. У него были остатки ужина, работающий телефон, долг, уменьшившийся на сорок тысяч. Для одного дня этого хватало.

Лев поменял две, Игорь три, Марк тоже три. Давид попросил две карты. Виктор постучал пальцем по своей руке:

— Мне не надо.

Яша сменил одну. После обмена Марку ничего не пришло. Он ждал, пока ход дойдёт до него, и заранее решил больше не платить.

Лев пропустил. Игорь тоже. Марк сказал «чек», откинувшись на спинку. Давид поставил двадцать тысяч. У него перед собой ещё оставалось достаточно, чтобы ставка выглядела обычной; он не двигал всё сразу и не смотрел на остальных вызывающе. Просто положил две фишки.

Виктор долго держал карты. Все ждали только его. Он посмотрел на Давида, затем на Яшу и опустил руку на стол.

— Пас.

Крайняя карта скользнула по накладке и развернулась. Марк увидел девятку. Виктор хотел собрать веер, но движение получилось неловким: открылась вторая девятка, потом ещё две. Четыре одинаковых достоинства лежали рядом с тузом. Масти были все четыре; маленький чёрный туз завершал руку, которой человек мог гордиться весь вечер.

— Подождите, — сказал Игорь.

Виктор накрыл карты ладонью.

— Я сбросил.

— Да это же…

— Игорь, очередь, — произнёс Марк.

Голос прозвучал суше, чем он хотел. Яша сбросил, Лев последовал за ним. Игорь растерянно посмотрел на Марка, затем отпустил свои карты. Марк убрал пару шестёрок в общую кучку.

Давид остался один. Его двадцать тысяч никто не уравнял, он забрал их обратно вместе с шестью тысячами обязательных взносов. Своих карт не показал. Пальцы у него двигались медленно, как у человека, которому поручили крайне неприятную уборку.

— Вы видели, что было? — спросил Игорь у Виктора.

— Видел.

— Тогда почему?

Яша вмешался, улыбаясь:

— У нас человек имеет право на любое решение.

Марк посмотрел на него.

— Имеет.

— Вот и всё.

— На сегодня всё, — сказал Марк.

В комнате стало тихо. Из коридора доносился шум воды: Альбина мыла последнюю большую кастрюлю. Стук металла о мойку был слишком громким для этой паузы.

— До одиннадцати договаривались, — напомнил Яша.

— Пять минут не доиграем.

— Ты за всех решил?

Марк положил карты из сброса одной стопкой и отодвинул от себя. Он не приказывал остальным вставать, просто больше не собирался брать их в руки. Яша это понял. Продолжить без Марка можно было, но объяснять гостю внезапный уход приходилось бы уже вслух.

Виктор сел ровнее.

— Я не против закончить.

Давид усмехнулся.

— Теперь, конечно.

— Давид…

— Считайте.

Виктор убрал раскрытую сильную руку под остальные карты. Марк остановил себя на желании их снова достать. Ему не требовалось вещественное доказательство. Он видел четыре девятки. Видел, что человек проверил собственную руку, услышал ставку и сознательно сбросил. Можно было испугаться редкой комбинации у противника, можно было ошибиться, разозлиться, решить закончить вечер любой ценой. Но этот человек весь вечер пытался двигать деньги в другую сторону, а они старательно возвращали их ему.

Марк почувствовал короткую, почти смешную злость. Он честно выполнял нечестную работу — и вдруг обнаружил, что ему мешает сам обманутый.

— Вас что-то не устроило? — спросил он Виктора.

Тот поднял глаза.

— А вас?

Яша поставил на стол ящик с деньгами. Металл глухо ударил о зелёную накладку, и Марк отдёрнул руку.

— Всё обсудим, — сказал Яша. — Сначала рассчитаемся.

Игорь смотрел на четыре маленьких отверстия в крышке ящика, как будто там можно было найти ответ. Лев помог ему разделить смешанные фишки по цветам. Давид отодвинул стул и встал, оставив деньги перед собой.

Марк начал считать свои. На первом проходе сбился и впервые за вечер пересчитал заново.

Глава 7. Мелкая сдача

Яша выдал первым Давиду. Тот пододвинул фишки, дождался пересчёта и назвал сумму сам:

— Триста восемьдесят.

— Всё верно, — ответил Яша. — Восемьдесят плюсом. Для первого знакомства очень даже хорошо.

Давид не взял протянутые пачки. Посмотрел на них, затем на Виктора.

— Дайте пересчитать.

— Конечно. У нас никто не торопит.

Это была ложь: Яша торопил всех, кроме гостя, которому собирался показать собственное благородство. Но сейчас он отодвинул деньги, дал Давиду место и занялся следующим.

У Марка осталось сто девяносто тысяч. Он разложил фишки по номиналам, назвал сумму. Яша выдал наличные, и Марк тут же вернул их ему отдельной стопкой.

— Мои сто девяносто, — сказал он негромко. — Остаток твоего взноса.

— Потом, — ответил Яша.

— Сейчас. Чтобы не смешивать.

Яша сжал губы, но деньги убрал. Марк отдал весь остаток игрового капитала; сорок тысяч платы уже были у Киры. В кармане лежал обычный кошелёк с мелочью на такси и продукты, и это неожиданно облегчало расчёт. Ему самому сегодня нечего было уносить с этого стола.

Игорю досталось тоже сто девяносто. Он пересчитал медленно, выравнивая каждый край, и спрятал деньги во внутренний карман куртки. Лев получил двести, Яша оставил перед собой сто двадцать. Они не обсуждали потери. При постороннем человеке такое считалось дурным тоном; позже можно было обсудить кого угодно и каким угодно тоном.

Последним рассчитали Виктора. Семьсот двадцать тысяч заняли на столе больше места, чем ожидал Марк. Фишки выглядят убедительнее до проигрыша, бумажные деньги — после.

— Четыреста двадцать чистыми, — сказал Яша. — Хороший вечер.

— Да, — ответил Виктор.

Он не стал пересчитывать сразу. Сначала вынул из сумки оставленные полтора миллиона, переложил их в другой отдел, освобождая место. Давид смотрел на стол. Яша поднял пустой ящик, показал остальным и назвал общую сумму:

— Миллион восемьсот. Всё разошлось.

Марк машинально сложил остатки. Семьсот двадцать, триста восемьдесят, два раза по сто девяносто, двести и сто двадцать. Миллион восемьсот. Ни копейки не исчезло. Комната, еда и новая колода шли отдельным счётом, о котором Яше предстояло спорить со Стеллой.

— У вас теперь два миллиона двести двадцать, — сказал Игорь, глядя на сумку.

Виктор застегнул внутренний отдел.

— Получается.

— Чтоб я так устал.

Шутка прозвучала жалобно. Лев предложил Игорю воду. Тот отказался и стал искать телефон, который лежал прямо перед ним.

***

Давид убрал последние купюры в широкий конверт. Достал из кармана ещё один, пустой, передумал и сунул обратно. Марк увидел только загнутый край. Ему вдруг захотелось остано-

вить этого человека на выходе и прямо спросить, во что они собирались играть на самом деле. Но вопрос пришлось бы начать с признания, во что играл он сам.

Виктор поднялся следом за Давидом.

— Мы можем ещё поговорить.

— Уже поговорили.

— Вы же хотели…

— Я много чего хотел. Хватит.

Яша вмешался с готовностью хозяина:

— Если хотите вдвоём, я оставлю комнату. Стелла, думаю, не будет против. По времени доплатим.

Марк посмотрел на него. Ещё час назад Давид мешал Яшиной будущей встрече; теперь его усаживали обратно с такой щедростью, словно именно ради этого и собирались.

— Я не хочу вдвоём, — произнёс Давид. — Я хочу домой.

— Тогда завтра, — сказал Виктор.

— Не надо назначать мне завтра.

Он вышел в коридор. Виктор сделал движение следом, но остановился у своего стула. Яша тронул его за плечо.

— Молодой. Они всё близко принимают. Вы же ничего плохого…

— Оставьте, — сказал Виктор.

Яша убрал руку. Гость сложил в сумку деньги, положил сверху тёмно-синюю папку. Она не поместилась поперёк, пришлось повернуть её длинной стороной. Резинка соскочила; Виктор поправил её, прижав ладонью крышку сумки.

Игорь смотрел на папку так пристально, что Марк толкнул его локтем.

— Что?

— Телефон забери.

— Взял.

На самом деле аппарат всё ещё лежал на столе. Игорь схватил его, сунул в карман и поднялся.

В коридоре Давид с трудом попадал рукой в рукав куртки, зацепив подкладку часами. Марк придержал ему ткань; тот посмотрел удивлённо, но не отстранился.

— Спасибо.

— Вас довезти?

— На чём?

— Такси вызову.

— Я сам вызвал.

На экране телефона белела карта. Марк не увидел, куда Давид едет, заметил лишь, что машина ещё не подъехала. Молодой человек убрал аппарат, наклонился завязать шнурок и застыл на секунду, упершись рукой в колено.

— Вы на него сердитесь? — спросил Марк.

— А вы нет?

— Я его сегодня впервые увидел.

— Это не мешает.

Давид выпрямился. Под светлой курткой у него была тёмная рабочая футболка без рисунка. Марк вдруг почувствовал себя нелепо в тщательно зашитом пиджаке: весь вечер старался выглядеть человеком, которому такие встречи привычны, а сейчас хотел, чтобы незнакомец ему поверил.

— Он умеет играть, — сказал Марк.

— Знаю.

— И сегодня не всегда играл так, как мог.

Давид посмотрел на него долгим неподвижным взглядом.

— А вы всегда?

Марк не ответил. На этот раз удобного соседнего вопроса не оказалось.

Из комнаты вышел Виктор, с сумкой в руке. Давид сразу повернулся к двери.

— Подождите, — сказал гость. — Я сам всё объясню.

— Кому?

Виктор задержался с ответом. Дверь из малого зала открылась; Стелла несла папку со счётом, и Яша позвал её к себе. Давид дождался, пока она пройдёт, затем произнёс тише:

— Вы уже объясняли. Больше не надо.

Он вышел. Марк видел его через стекло: Давид отошёл от ступеней, поднял воротник, посмотрел вдоль улицы. Дальше Марк не стал наблюдать. Позади Виктор пытался застегнуть внешний карман сумки; ткань попала в молнию.

— Дайте, — сказал Марк.

— Я справлюсь.

Он справился. Тёмно-синюю папку теперь держал отдельно, под мышкой.

***

— Вы странный человек, — сказал Виктор.

Марк посмотрел на него. Они стояли у вешалки, рядом с пакетом огурцов. Из комнаты доносился спор о числе порций; Стелла никак не могла понять, почему обещанные шесть гостей съели восемь горячих блюд.

— Пока от вас это звучит особенно хорошо, — ответил Марк.

Виктор улыбнулся. Улыбка быстро исчезла.

— Я хотел бы с вами поговорить позже.

— О чём?

— О людях, которых вы знаете.

Марк почувствовал, как у него напряглись плечи. В таком начале разговора почти всегда скрывалась просьба, за которую потом требовали благодарности.

— Лучше сразу называйте.

— Сейчас неудобно.

— Номер у Яши есть.

— Я не хочу через Яшу.

Виктор вынул телефон, попросил продиктовать. Марк назвал номер. Гость набрал, вызов прошёл, на экране Марка появился незнакомый контакт. Он сохранил: «Ершов Виктор». Ему не хотелось оставлять число без имени; потом будет трудно вспомнить, кто именно звонит с просьбой о чужих людях.

— Вы ведь не будете снова играть с ним? — спросил Марк.

Виктор отвёл взгляд.

— Не знаю, что я теперь буду делать.

Это прозвучало слишком серьёзно для нескольких проигранных возможностей. Марк приготовился услышать продолжение, но из комнаты высунулся Яша.

— Виктор, там мой экземпляр остался, — сказал Яша. — Если забираете, отметьте хотя бы, что проект получили.

Виктор посмотрел на него, потом положил сумку на пол. Достал из папки три скреплённых листа, пристроил их на широком подоконнике. Яша протянул ручку.

— Я сначала прочитаю, — сказал Виктор. — Дату обсудим отдельно. Приходить я вам не обещал.

— Конечно. Я же говорю: проект.

Виктор написал что-то над нижней строкой, затем ещё раз провёл ручкой по бумаге. Марк стоял со стороны двери; предплечье гостя закрывало запись, разобрать её было нельзя. Игорь выглянул из комнаты и остался на пороге.

Яша потянулся к листам, но Виктор сам вложил их обратно в папку.

— Этот пока у меня. Копию пришлю.

— Можно сейчас сфотографировать.

— Я сначала прочитаю, — повторил Виктор.

Яша забрал ручку. Он ещё секунду улыбался, потом отошёл в комнату. Игорь пропустил его, прижавшись плечом к косяку. Виктор оставил папку на подоконнике, снял с вешалки куртку и надел её. Потом поднял сумку и прижал папку под мышкой.

— Мне надо один звонок сделать, — сказал Виктор. — Здесь можно с другой стороны выйти? На улицу, где потише.

Марк показал направление к кухне.

— Через хозяйственную дверь. Там ступеньки, скользко. Калитка во второй проезд, если понадобится.

— Спасибо.

Часы над дверью комнаты показывали десять минут двенадцатого. Виктор пошёл по коридору, держа сумку в одной руке, папку под другой. У кухонной двери остановился, пропуская Альбину с полотенцем. Марк услышал, как он спросил, можно ли пройти, и как она ответила:

— Только не закрывайте сильно. Она потом снаружи заедает.

Гость кивнул и исчез за поворотом. Марк вернулся к столу. Яша уже записывал Стелле перевод, а Игорь пересчитывал свои деньги в третий раз.

Глава 8. Служебный выход

Когда Виктор ушёл, Яша перестал спорить со Стеллой. Заплатил всё, что она назвала, положил телефон на стол и посмотрел на Марка.

— Ну?

— Что «ну»?

— Объясни, что это было.

Стелла подняла голову от своего экрана.

— Я могу уйти.

— Останься, — сказал Марк. — Мы уже закончили.

— Ничего мы не закончили, — возразил Яша.

Он хотел сказать больше, но при Стелле не решался. Она знала, чем они занимаются, получала за комнату и никогда не требовала подробностей. Это был удобный способ поддерживать приличные отношения. Вслух объяснять ей, что новый гость не пожелал быть приманкой для самого себя, Яше не хотелось.

Стелла собрала блюдца. Марк помог перенести их на буфет, затем поднял зелёную накладку с одного края: под неё закатилась фишка. Обыкновенная тысячная. Яша посмотрел на неё и сказал, что расчёт уже сошёлся, значит, из запасных.

— В ящик положи.

Марк положил. Теперь на столе осталась только пустая коробка колоды. Игорь сидел рядом с ней, уткнувшись в телефон. Лев стоял у двери и говорил с кем-то, прикрыв рот ладонью. Марк не вслушивался. Ему хотелось домой, но Яша ждал разговора, и уход прямо сейчас означал бы ещё один спор в ближайшие дни.

— Давай без людей, — сказал он.

Яша согласился слишком быстро. Они перешли в малый зал. Стелла пошла на кухню, забрав последние тарелки. Игорь остался в игровой комнате; Марк видел, как он стягивает со стула куртку.

В малом зале уже выключили половину ламп. На одном столе лежали ленты, забытые после прежнего праздника. Марк сел, не снимая пиджака; Яша остался стоять.

— Я не понимаю, в чём твоя претензия, — сказал организатор.

— Ты видел четыре девятки?

— Видел. Человек решил выйти. Его деньги.

— Если бы он хотел выйти, он ушёл бы. Он сбросил, чтобы Давид забрал банк.

— Может, ему Давид понравился.

— Тогда зачем позвал нас?

Яша развёл руками. Простое отсутствие ответа он умел превращать в доказательство чужой мнительности.

— Марк, мы не нанимались понимать все движения его души. Нам нужно было дать ему выиграть. Мы дали.

— А он хотел проиграть.

— Так помог бы ему! Ты же умеешь.

Яша сам услышал, что сказал, и раздражённо провёл рукой по волосам.

— Завтра разберёмся. Я с ним поговорю. Ты только не лезь сейчас со своей правдой. Он всё равно ещё здесь.

Марк не ответил. Яша подошёл к окну, посмотрел на улицу. Со стороны двора ни звука не доносилось. Толстая старая стена отделяла малый зал от кухни, окна выходили к припаркованным машинам и мокрому тротуару.

— Ты бы хоть один раз дал мне довести дело, — сказал Яша уже тише.

— Я дал три с половиной часа.

— Ты понял, о чём я.

Марк поднялся. В коридоре он столкнулся со Стеллой, которая несла скатерть. Она попросила помочь сдвинуть один стол: завтра утром уборщица, а под ножкой что-то разлили. Он взялся за край. Стелла командовала тихо и точно, как человек, которому наконец дали задачу без неопределённости. Пока они двигали мебель, Яша вышел. Марк не видел, куда он пошёл.

***

Игорь вернулся, когда Марк уже стоял у вешалки. Он появился со стороны кухни и остановился так резко, будто хотел повернуть обратно.

— Ты где был? — спросил Марк.

— Да тут.

Игорь был в куртке, застёгнутой неровно: одна пола задралась выше другой. На правом ботинке темнела мокрая полоса, к подошве прилипла грязь с мелкими светлыми камешками. В помещении такой грязи не было; у входа лежал резиновый коврик, по нему они все давно прошли.

— Курить выходил?

— Ага.

Игорь взялся за воротник, словно ему стало трудно дышать. Марк посмотрел на часы: двадцать семь минут двенадцатого. Он запомнил это время, потому что собирался вызвать машину и прикидывал, насколько поздно вернётся домой.

— Ты же сигареты у Льва оставил.

— Нашёл.

— Что нашёл?

— Да сигарету, Марк. Не начинай.

Он хотел пройти мимо, но Марк поймал его за рукав. Рука под тканью была напряжённой.

— Ты пил ещё?

— Нет.

— Тогда чего трясёшься?

Игорь посмотрел ему прямо в лицо. Марк вдруг увидел в нём мальчишку, которого когда-то забирал после драки, и сразу рассердился на это воспоминание: Игорю было сорок четыре, ему не требовалось снова становиться младше, чтобы получить помощь.

— Мне плохо, — сказал друг.

Марк отпустил рукав.

— Сядь. Воды принесу.

— Не надо.

— Сядь.

Он отвёл Игоря в игровую комнату, усадил на ближайший стул. Крышка жестяного ящика была поднята; Яша куда-то унёс деньги. На полу лежала бумажная салфетка. Марк поднял её, пока наливал воду, и только потом понял нелепость собственного занятия.

Игорь выпил полстакана. Взял телефон обеими руками и опустил взгляд.

— Ты ничего не потерял? — спросил Марк.

— Нет.

— Деньги на месте?

Друг кивнул. В комнате было тепло, но он продолжал сидеть в куртке. Марк открыл форточку. С улицы донёсся шум проезжающего автобуса; Игорь вздрогнул, затем сердито посмотрел на окно.

— Закрой. Дует.

Марк закрыл. Он мог вызвать такси, посадить друга, поехать с ним. Это было простое правильное действие, знакомое по прежним вечерам. Но сперва требовалось понять, почему человек так испугался обычного двора.

В дверях появился Лев. Уже без куртки, с телефоном в руке.

— Собираетесь? — спросил он.

— Игорю нехорошо.

Лев посмотрел на друга, подошёл и положил ладонь ему на плечо.

— Давление?

— Просто душно.

— На улице лучше. Давай выведу.

— Я уже был, — резко сказал Игорь.

Марк увидел, как Лев убрал руку. На мгновение возникло чувство, что оба знают, о чём сейчас не следует говорить. Оно исчезло, когда Лев сказал:

— Тогда посиди. Я машину подгоню, если нужно.

Игорь покачал головой. Марк повернулся к буфету. Ему требовалось что-нибудь сделать с руками, и он стал закрывать коробки новых колод.

***

Альбина позвала Стеллу из кухни. Обычный голос, немного выше, чем прежде. Стелла ответила из малого зала, что идёт. Через секунду Альбина крикнула снова, уже совсем иначе:

— Скорую! Стелла, скорую!

Марк оказался в коридоре раньше, чем успел понять, что случилось. Альбина стояла в открытой хозяйственной двери и держала телефон двумя руками. На экране светился вызов. Она называла адрес, сбивалась, повторяла название помещения.

— Во дворе человек, — говорила она. — Мужчина лежит. Да, кровь. Я не знаю, дышит или нет.

Стелла попыталась взять у неё аппарат, но Альбина отвела руку. Марк протиснулся к двери. Снаружи было темнее, чем во время перерыва: свет соседнего склада погас, осталась лампа под козырьком.

Виктор лежал у стены за нижней ступенью. Сразу были видны ботинки и одна вытянутая рука. Чёрная сумка стояла рядом, наклонённая к его плечу. Марк спустился, держась за мокрые перила. Хотел назвать его по имени, но произнёс только:

— Эй.

Виктор не ответил.

На куртке было тёмное пятно. Марк опустился рядом, не понимая, куда можно положить руку, чтобы не сделать хуже. Он видел чужую кровь и раньше. Тогда люди кричали, двигались, ругались; к ним можно было обратиться и получить хотя бы злой ответ. Здесь никто ничего не объяснял.

Альбина повторяла слова из телефона. Спрашивали, есть ли дыхание. Марк наклонился ближе, попытался понять, слышит ли его Виктор, затем ответил, что не может определить. Его голос не был похож на собственный.

— Я здесь, — сказал он зачем-то Виктору. — Сейчас приедут.

Стелла принесла чистые полотенца. Одно Марк взял, другое она уронила на бетон, наклонилась за ним и замерла, глядя на человека. Альбина продолжала говорить с диспетчером, передавала указания. Марк делал то, что она повторяла, слыша отдельные слова с задержкой; потом вспоминал только мокрый рукав, ткань в пальцах и лестницу, мешавшую подойти с другой стороны.

Лев стоял у двери. Яша появился за ним и спросил, что случилось. Ему никто не ответил. Игоря Марк не видел.

Минуты перестали совпадать с движением часов. Марк знал, что кто-то пошёл встречать машину к главному входу, слышал голос Стеллы издалека. Потом рядом опустился человек в рабочей медицинской одежде и попросил отойти.

Марк встал не сразу: затекла нога. Его придержали за локоть. Он оказался у стены с полотенцем в руке, и женщина из бригады сказала оставить его здесь. Он послушался, хотя не понял, почему до сих пор держит.

***

Когда в кухне заговорили о полиции, Яша хотел закрыть хозяйственную дверь.

— Оставьте, — сказала Стелла.

— Холодно же.

— Оставьте.

На «вы» она обратилась к нему впервые за вечер. Яша отпустил ручку. Марк стоял у мойки, смотрел на свои пальцы и не решался открыть воду. Один из прибывших попросил ничего пока не трогать; он услышал это как просьбу лично к нему.

Альбина села на низкий табурет. Телефон лежал у неё на коленях, экран ещё горел. Марк посмотрел на время: без нескольких минут двенадцать. Вызов был сделан около двадцати минут назад, в двадцать три сорок. Он пытался удержать простые цифры, потому что всё остальное уже начинало перемещаться в памяти.

— Я мусор вынести пошла, — сказала Альбина. — Там мешок небольшой. Думаю, утром не возиться.

Никто не спросил её об этом. Она продолжила:

— Я его сперва за сумку приняла. Ну, что сумку оставили. А потом рука.

Марк посмотрел на дверь. За ней двигались чужие люди, разговаривали о Викторе короткими словами. Он понимал, что помощь уже ничего не изменит, но ни у кого не спросил прямо. Яша спросил. Ему ответили, и после этого стало возможно произнести то, что Марк всё время обходил.

Виктор умер.

Кто-то предложил Альбине воды. Она взяла стакан, поднесла ко рту, потом поставила, не выпив. Марк вернулся в комнату. Игорь сидел там же, где он его оставил, обе ноги под стулом. На правом ботинке подсыхала грязь.

— Это он? — спросил Игорь.

Марк кивнул.

— Что с ним?

— Умер.

Игорь опустил голову. Марк смотрел на него и ждал следующего вопроса: от чего, как, что случилось. Вопроса не было.

Глава 9. Первое объяснение

Ночью маленький зал стал похож на место, которое только что сняли с продажи. Стулья стояли вразнобой, скатерти лежали на подоконнике, новая люстра светила слишком ярко. Круглые столы, ради которых Кира вечером искала удачный угол, теперь мешали людям проходить.

Марк сидел возле стены. Ему сказали подождать, и он ждал. Телефон оставался при нём; несколько раз хотелось позвонить Кире, но он представлял, как она отвечает сонным голосом, как приходится начинать с самого страшного, а потом объяснять, зачем звонит именно ей. Он убрал аппарат в карман.

Игорь сидел через два стула. Между ними лежала чья-то пачка влажных салфеток. Яша принёс её, когда им позволили отмыть руки, потом ушёл разговаривать в коридор. Марк успел заметить, что друг вытер ботинки носовым платком. Ничего не сказал. Грязь уже видели и без него; да и не всякая грязь означала, что человек кого-то убил.

Последнюю мысль он повторил почти с облегчением и тут же испугался того, что понадобилось её произнести.

— Тебе домой не звонили? — спросил Игорь.

— Некому.

— Я в смысле…

— Понял.

Игорь посмотрел на него. Слова, которые раньше сразу заполнили бы паузу, теперь не находились. Он достал телефон, прочитал сообщение матери, не ответил. Марк видел на экране фотографию трубы. В другой жизни эта труба требовала мастера, и её можно было спокойно обсуждать в половине второго ночи.

— Ты им скажешь, что я с тобой? — спросил Игорь едва слышно.

— Что?

— Мы же вместе были.

Марк повернулся к нему. Игорь опустил глаза, поправил рукав. В свитере у запястья зацепилась маленькая щепка, и он долго не мог поддеть её ногтем.

— Где ты был? — спросил Марк.

— Я тебе сказал.

— Тогда скажи им.

Друг молчал. Из коридора позвали Льва. Тот поднялся, забрал куртку со спинки стула, спросил, куда именно идти. Его проводили в игровую комнату. Когда дверь закрылась, Игорь произнёс:

— Я ничего не делал.

Марк посмотрел на соседний стол. На нём лежала пачка салфеток с зелёной надписью, обещавшей свежесть. Ему захотелось смять её, просто чтобы перестать читать одно и то же.

— Я не спрашивал, делал ли ты.

— Ты на меня так смотришь.

— Я спрашиваю, где был.

Игорь закрыл глаза. Марк узнал этот способ закончить разговор: человеку плохо, дальнейшие вопросы становятся жестокостью. Прежде он уступал, приносил воды, переносил трудное на завтра. Сейчас из этого завтра уже нельзя было убрать лежащего во дворе Виктора.

Дверь открылась, вышла Альбина. На ней была Стеллина кофта, короткая в рукавах. Марк встал, освобождая ей место; она села и стала искать в карманах телефон. Аппарат был зажат в левой руке. Стелла показала на него, не произнеся ни слова.

— Они спрашивают, кто выходил, — сказала Альбина. — А я откуда всё знаю? Я посуду мыла.

— Так и говори, — ответила Стелла.

— Я так и говорю. Виктор прошёл. Лев потом возле хозяйственной двери был, в куртке. Я думала, курить. Я же на улицу за ними не смотрела.

— Он потом с главного заходил. Я сама впустила, — сказала Стелла. — Уже входную прикрыла, чтобы с улицы не шли. Но когда — не помню. Раньше, чем ты закричала.

Альбина кивнула. Она не искала противоречия, только собирала свой вечер из мелких работ, каждая из которых теперь требовала времени и свидетеля.

Марк посмотрел на Игоря. Тот сидел неподвижно. Из услышанного не следовало ничего определённого: Лев всегда курил во дворе и мог выйти через калитку к машине; Стелла могла впустить его после обычного звонка. Зато Игорь, попросивший подтвердить присутствие, возвращался оттуда же и делал вид, что возвращаться было неоткуда.

***

Сергей Чернов представился без торжественности. На вид он был моложе Марка, с усталым лицом человека, у которого ночь уже началась до этого вызова. В игровой комнате на столе теперь лежали бумаги и два телефона. Карты убрали отдельно. Чернов попросил Марка сесть, уточнил имя, адрес и номер для связи.

Марк отвечал. Привычная способность говорить спокойно работала и здесь, хотя внутри всё ещё стоял холодный двор.

— Когда впервые встретились с Ершовым? — спросил Чернов.

— Сегодня. Теперь уже вчера. В пятницу, перед началом.

— Кто пригласил?

— Яков Буров.

— Вы часто здесь бываете?

— Иногда.

— Когда были в прошлый раз?

Марк назвал месяц, потом исправился: конец сентября. Чернов не стал комментировать разницу. Записал и спросил, как проходил вечер.

Марк начал с правил, поймал себя на этом и замолчал. Следователю не требовалось знать, сколько карт можно менять, прежде чем он услышит о ссоре. Но и отделить одно от другого не получалось: без карт странность Виктора выглядела беспричинной.

Он рассказал о времени, о взносах, о расчёте. Назвал все шесть сумм. Чернов попросил повторить две, записал и сравнил со своим листом.

— У Ершова было ещё полтора миллиона? — спросил он.

— Он показал перед игрой. Оставил в сумке. Их не ставил.

— После расчёта?

— Два миллиона двести двадцать тысяч. Семьсот двадцать получил со стола.

Чернов кивнул, словно ответ совпал с тем, что уже знал.

— Деньги на месте? — спросил Марк.

Следователь посмотрел на него.

— Почему спрашиваете?

— Сумка стояла рядом. Я её не открывал.

— В ней при осмотре пересчитали именно такую сумму.

Марк опустил взгляд. Убийство ради денег было самым простым объяснением, и оно только что стало менее простым. Виктор унес два миллиона двести двадцать тысяч, лежал рядом с ними и больше не мог ни выиграть, ни проиграть.

— Между участниками были ссоры? — спросил Чернов.

Марк рассказал о Давиде, отказавшемся продолжать, о разговоре у входа. Слова передал настолько точно, насколько помнил. Когда дошёл до «я сам всё объясню», Чернов попросил уточнить, кому Виктор собирался объяснять.

— Он не сказал. Давид спросил, и разговор оборвался.

— По какой причине?

— Стелла проходила. Потом Давид ответил, что больше объяснять не надо.

Чернов записал. Марку показалось, что несколько обычных фраз превращаются у него на глазах в чужую ссору с заранее известным концом. Он добавил:

— Давид выиграл. Восемьдесят тысяч. Он не проиграл ему деньги.

— Вы связываете ссору только с проигрышем?

— Нет.

— Тогда рассказывайте, что видели.

Марк сжал ладони под столом. Он привык давать человеку нужное количество правды, чтобы тот сделал подходящий вывод. Чернов всякий раз возвращал ему ответственность за сами слова.

***

О четырёх девятках Марк рассказал подробно. Чужая сильная рука стала единственной вещью этого вечера, в которой он был уверен без оговорок. Чернов слушал, не перебивая, затем спросил:

— Вы считаете, он хотел, чтобы выиграл Лосев?

— В той раздаче — да.

— А раньше?

— Иногда было похоже.

— Почему он мог этого хотеть?

— Не знаю.

Марк ждал вопроса о собственной игре. Тот последовал почти сразу:

— Вы потеряли сто десять тысяч. Это ваши деньги?

— Деньги Бурова. Он дал на вход.

— С какой целью?

— Чтобы я участвовал.

Чернов поднял глаза от листа.

— С какой целью он оплатил ваше участие?

Марк почувствовал привычное желание рассказать о давнем знакомстве и взаимных услугах. Он мог бы долго говорить правду, не отвечая на вопрос. Вместо этого сказал:

— Ему требовалось, чтобы Ершов выиграл и пришёл ещё.

В комнате ничего не изменилось. Следователь не откинулся на спинку, не сказал, что всё теперь понятно. Он уточнил, кто об этом знал и как именно предполагалось действовать. Марк назвал Яшу, Игоря и Льва. Сказал, что уступали, не поднимали ставки с хорошими руками. Карты не подменяли, чужих закрытых рук он не видел. Чернов попросил не перечислять того, о чём не спрашивал.

Марк рассказал о сорока тысячах платы. Киру назвал только как получателя возврата старого долга и сразу пояснил, что в игре она не участвовала. Это прозвучало слишком поспешно. Чернов спросил, во сколько она уехала и кто может подтвердить съёмку.

— Стелла. Снимала малый зал. Уехала ещё до первой раздачи.

— Мы проверим.

Марк кивнул. Его честность уже начала касаться людей, которых он хотел держать подальше. По этой причине удобнее всего было бы перестать говорить правду вообще.

Чернов перелистнул запись.

— После расчёта вы куда пошли?

Марк восстановил путь: разговор у вешалки, Виктор направился через кухню, он сам вернулся в комнату, потом спорил с Яшей в малом зале, помогал Стелле передвинуть стол.

— Игорь Мелехин где находился?

У Марка возникла удивительная уверенность: сейчас достаточно сказать одну короткую фразу, и Игоря оставят в покое до утра. Он успеет спросить друга без чужих людей, понять, что случилось, затем сам разберётся, надо ли что-то менять. Такой порядок казался разумным ровно до того мгновения, когда требовалось произнести его вслух.

— Здесь, — сказал Марк. — Он оставался в комнате.

— Вы видели его всё время?

— Я выходил в зал. Потом вернулся. Он был здесь, ему стало нехорошо.

— Мог он выходить из здания, пока вы были в другом помещении?

— Нет. Мы были рядом. Он не выходил.

Чернов отложил ручку.

— Вы сейчас сообщили два разных обстоятельства. Вы были рядом с ним или находились в малом зале?

— Я ненадолго уходил. Игорь оставался здесь. Потом я принёс ему воды.

Марк слышал, как меняется собственный голос: становится ровнее, увереннее, словно правильность можно было получить усердием. Он вспомнил грязь на ботинке и взгляд у вешалки. Все основания были перед ним, и он выбрал слова против них.

— Запишем ваше объяснение именно так, — сказал Чернов.

***

Марк читал лист долго. На нём не было ни одного особенно страшного слова. Он мог указать на строчку, сказать, что выразился неверно, исправить сейчас. Следователь не торопил. Из коридора донёсся голос Яши, обсуждавшего, кому звонить по поводу вещей Виктора.

Марк вернул лист.

— Всё верно?

Он кивнул и расписался.

На выходе Чернов остановил его:

— Не пытайтесь между собой согласовать, кто где был. Если вспомните новое, сообщите напрямую.

Марк посмотрел на него. В лице следователя не было многозначительной угрозы. Он сказал ровно то, что требовалось сказать человеку, вышедшему из комнаты к другим свидетелям.

— Хорошо.

Домой Марк добрался под утро. Игоря он не повёз: с тем продолжали разговаривать. Когда наконец разрешили уйти ему самому, оказалось, что Стелла завернула банки в сухой пакет и поставила у входа. Петрушка лежала отдельно, на чистом полотенце.

— Забери, — сказала она. — У меня завтра банкет.

Марк взял. Стелла не добавила, что банкет придётся отменить или что помещение будут осматривать ещё. Она стояла посреди собственного дела и не знала, какое из завтрашних действий теперь возможно.

Таксист попросил поставить пакет на пол: банки могут разбиться на сиденье при торможении. Марк опустил подарок к ногам и всю дорогу держал за ручки. Водитель спросил, закрывается ли «Окно» насовсем. Марк сказал, что не знает.

Дома он вынул петрушку, поставил в стакан с водой. Одну банку открыл, попробовал огурец. Слишком солёный, как всегда у Игоревой матери. Он съел половину, вторую оставил на блюдце.

Телефон загорелся сообщением от друга: «Спасибо».

Марк прочитал, затем положил аппарат экраном вниз. За окном начиналось субботнее утро.

Глава 10. Дочь покупателя

Марк проспал до полудня, не раздеваясь толком. Куртка лежала на полу, пиджак — на спинке стула. Он долго смотрел на пуговицу внутреннего кармана, которую пришил в четверг. Всё, что было до игры, теперь казалось излишне тщательным.

Первым позвонил Яша. Марк не ответил. Второй звонок пришёл с незнакомого номера, и он взял трубку, ожидая услышать Чернова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.